

Литература

1. Зубова Я. В. Правовое образование в развитии правовой культуры формирующегося гражданского общества в современной России. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2010.
2. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник для вузов. М.: Проспект, 2005. 756 с.
3. Оксамытный В. В. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 563 с.
4. Общая теория права: курс лекций // под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 512 с.
5. Староверова И. В. Правовая культура молодежи на этапе социального старта: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М, 2010.
6. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004. 510 с.
7. Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: учебное пособие. М.: Центр соц. прогнозирования, 2003. 688 с.
8. Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2006. 60 с.; Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права: учебник. СПб., 2006. 79 с.
9. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс. Свердловск, 1990. 176 с.
10. Сальников В. П. Правовая культура // Актуальные проблемы теории права. Уфа, 1995. 202 с.
11. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в Конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 50–56.
12. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридич. литер., 1966. 187с.; Лукашева Е. А. В. И. Ленин о правовой законности // Социалистическая законность. 1964. № 4.
13. Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14.
14. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. 233 с.
15. Бабаев В. К., Сальников В. П. Общая теория права. Н. Новгород, 1993. 594 с.
16. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994. 592 с.

УДК 94 (436).08

Крючков Игорь Владимирович

СЛАВЯНЕ И ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВ РАЗВИТИЯ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ АВСТРИИ

В данной статье анализируется изменение положения славян в политической, культурной и экономической жизни Австрии в последней трети XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Чехи, Богемия, нация, славяне, образование, поляки.

Kryuchkov Igor V.

THE SLAVS AND THE PROBLEM OF ALTERNATIVES OF THE DEVELOPMENT OF DUALISTIC AUSTRIA

The change of position of Slavs in political, cultural and economic life of Austria in the last third of XIX – the beginning of XX centuries is analyzed in the article.

Key words: The Czechs, Bohemia, nation, the Slavs, education, the Poles.

После поражения Австрии в австро-прусской войне 1866 г. стала очевидной необходимость реформирования империи Габсбургов. В декабре 1867 г. были созданы конституционные основы практически нового государства. Австрийская империя прекратила существование, и на ее основе возникла дуалистическая Австро-Венгерская империя. По сути, это было конфедеративное государство. Австрия и Венгрия имели собственные конституции, правительства, парламенты, правовые и экономические системы [2, с. 182–184]. Две половины империи объединяли общий монарх, армия, внешняя политика, координация финансово-кредитной и таможенной политики. С 1867 г. Австрия и Венгрия стали проводить собственную славянскую политику.

В 1867 г. Австрия стала конституционной монархией, вступившей на путь постепенной децентрализации с элементами федерализма. Все коронные земли, вошедшие в состав Австрии, получали широкие полномочия, включая собственные конституции, парламенты и правительства.

Очень пестрым оказался национальный состав Австрии, влиявший на ее внутривосточное развитие. В 1910 г. австро-немцы составляли 35,58 % населения страны, чехи 23,02 %, поляки 17,77 %, русины (украинцы) 12,58 %, словенцы (4,48 %), сербы и хорваты 2,8 %, итальянцы 2,75 % [11, с. 345]. Таким образом, славяне составляли около 60 % всего населения австрийской половины Австро-Венгрии. В ряде ключевых коронных земель преобладали славяне. В Моравии чехи составляли 71,75 % населения, в Богемии 63,19 %; поляки составляли 58,55 % населения Галиции, и еще около 40 % приходилось на украинцев, в Крайне 94,36 % населения составляли словенцы, а в Герце и Градишке к ним относилось 61,85 % населения, сербы и хорваты доминировали в Далмации (96,19 %). Однако в отдельных коронных землях славяне составляли внушительное меньшинство, как это наблюдалось в Буковине (украинцы 38,92 %) и в Истрии (сербы и хорваты 43,52 %). Парадоксы австрийской действительности показывали и обратный результат: в одной из чешских земель – Австрийской Силезии – австро-немцы составляли 41,5 %, поляки занимали второе место (31,0 %), а чехи находились на третьем месте (26,0 %).

Демографическая ситуация в Австрии с последней трети XIX в. складывалась не в пользу австро-немцев. Славяне по темпам естественного прироста населения их превосходили. С одной стороны, данный фактор объяснялся патриархальной системой землевладения в австро-немецких землях. В альпийских провинциях крестьяне стремились любыми путями не допустить дробления земельной собственности, что вело к позднему вступлению в брак и сознательному ограничению рождаемости. С другой стороны, тем, что именно австро-немцы составляли значительную часть рабочих промышленных районов Нижней Австрии, Штирии, Богемии, а среди пролетариата отмечалась низкая продолжительность жизни, по сравнению с другими категориями населения, и высокая смертность [8, с. 347]. Данное обстоятельство очень тревожило австро-немцев.

Либеральные правительства 60-х – начала 70-х гг. в большей степени ориентировались на соблюдение индивидуальных прав и свобод личности, мало заботясь об удовлетворении национальных чаяний славянских народов [3, с. 275]. Либералы всячески стремились сохранить в стране доминирование австро-немцев. Приход к власти консерваторов поставил на повестку дня вопрос о необходимости компромисса с чехами и другими славянскими народами.

В 1871 г. премьер-министр Австрии К. Гогенварт подписал с лидером чешской национальной оппозиции Ф. Ригером и представителем дворян-автономистов Богемии графом Г. Клам-Мартинцем «Фундаментальные статьи», открывавшие путь для преобразования монархии Габсбургов на принципах триализма. Соглашение 1871 г. предполагало расширение автономии чешских земель, созыв общего для них парламента, введение в правительстве Австрии должности министра по делам чешской короны. Император собирался подписать данное соглашение. Однако у компромисса 1871 г. оказалось много врагов. Против него выступили Венгрия, австро-немецкие централисты, польские магнаты Галиции и даже часть имперской бюрократии. Более того, решительно осудил соглашение с чехами и Берлин. Франц-Иосиф уступил давлению и не подписал соглашение 1871 г.

В тоже время Вена осознавала необходимость реформ, направленных на достижение компромисса со славянскими подданными императора, без чего невозможна была политическая стабильность в австрийской половине империи Габсбургов. В 1873 г. достигается компромисс с польской элитой, получившей привилегированный статус и доминирование в Галиции, при этом автономия Галиции существенно расширяется [9, с. 319–320].

Приход к власти консервативного правительства Э. Тааффе ознаменовал поиск новой стратегии выстраивания взаимоотношений со славянским населением [7, с. 160]. Правительство пошло по пути расширения сферы применения славянских языков в государственных институтах, реально уравнивая их со статусом немецкого языка. Кстати, в Австрии, в отличие от большинства стран, не было государственного языка. В 1880 г. в Богемии и Моравии, а в 1882 г. с некоторыми оговорками в Силезии в органах государственной власти, муниципалитетах, судах и прокуратуре, кроме немецкого, было введено использование чешского языка. Правда, попытки дальнейшего упорядочения языковой ситуации в чешских землях, предпринятые в 1897 г. правительством К. Бадени и последующими правительствами, зашли в тупик из-за непримиримой позиции чешских и австро-немецких радикалов.

В годы правления Э. Тааффе существенные перемены отмечались в словенских землях. В Крайне использование словенского языка было введено в официальных учреждениях, увеличилось число словенских чиновников, расширилось употребление словенского языка в учреждениях

образования, наместником Крайны стал словенец А. Винклер [6, с. 227]. В то же время в Каринтии немецкое большинство не было готово идти на существенные уступки словенцам.

Славяне Австрии получили культурную автономию, что привело к развитию различных образовательных и просветительских структур. В 1882 г. Пражский университет был разделен на две части: немецкую и чешскую. Чехи создали еще несколько крупных учебных заведений и на данном поприще достигли наибольших успехов. Львовский университет оказался под контролем поляков, к большому недовольству украинцев. В значительной степени произошла славянизация Черновицкого университета. Крупным достижением словенцев стало введение в 1895 г. ведения преподавания в ряде гимназий на словенском языке [6, с. 246–247]. Поэтому в области культуры и образования славяне Австрии получили широкие права.

В политической сфере славяне постепенно расширяли зону своего влияния, несмотря на то, что австро-немцы продолжали доминировать в государственном аппарате. Многие чешские и польские политические лидеры становились министрами правительства Австрии, главами обеих палат парламента, поляк К. Бадени стал одним из премьер-министров дуалистической Австрии. Аналогичные процессы происходили в армии. Правда, Вена до последнего стремилась любыми способами сохранить консервативную избирательную систему, чтобы не допустить получения в парламенте славянского большинства, но и здесь происходили постепенные перемены. В 1882 г. в результате изменения избирательного законодательства в парламенте Богемии большинство мест перешло к чехам. В 1907 г. с введением всеобщего избирательного права славяне получили большинство мест в рейхсрате Австрии.

Следует подчеркнуть, что политическая борьба в австрийской половине империи Габсбургов не выходила за рамки конституционного поля. В Австрии в эпоху дуализма чешское и словенское национальные движения придерживались тактики «пассивной оппозиции», примерно такой же позиции придерживались украинцы.

Отражением успехов славян Австрии стали достижения предпринимателей славянского происхождения. В основном здесь следует отметить рост влияния и благосостояния чешских бизнесменов, что было связано с доминированием Богемии, Моравии и Силезии в народнохозяйственном комплексе Австрии. Живностенский банк, фирма «Батя» принадлежали ведущим бизнесменам Австрии. В то же время Далмация и Галиция относились к числу самых отсталых регионов страны, хотя в начале XX в. и здесь наметились радиальные изменения.

Расширение сферы влияния славян вызывало ревностную реакцию со стороны традиционных национальных элит, не стремившихся легко сдавать свои привилегии. Австро-немцы Богемии и Моравии постоянно сопротивлялись расширению сферы применения чешского языка и политическим реформам, направленным на увеличение влияния чехов в системе органов государственной власти и местного самоуправления [5, с. 238–239].

Австро-немецкие и чешские радикалы не готовы были идти друг другу на уступки. В данной ситуации Вена стремилась выступать в качестве третейского судьи, предлагая в целом разумные меры по урегулированию чешско-немецкого конфликта. Это давало австро-немецким радикалам основание для постоянных обвинений Вены в игнорировании их интересов в угоду славянам. Неслучайно, что пангерманизм получил распространение на рубеже XIX–XX вв. именно среди судетских немцев, в то время как немцы исторических австрийских земель сохраняли лояльность Габсбургам. Определенной остроты достиг конфликт между словенцами и австро-немецками в Каринтии и в других районах Австрии. В Далмации и в Триесте нарастающие амбиции славян вызывали беспокойство у итальянской элиты, контролировавшей до последней трети XIX в. данный регион. В последней трети XIX в. хорваты взяли под контроль систему образования в Далмации, городские советы городов Сплита и Дубровника [10, с. 133].

Все разговоры о межнациональной борьбе в Австрии, в том числе между славянами и представителями других народов, не следует абсолютизировать и выставлять в качестве доминирующей тенденции развития страны. Политическая борьба напрямую затрагивала интересы только определенной части населения и прежде всего политической и интеллектуальной элиты общества. Подавляющее большинство жителей Австрии находилось в стороне от острых политических баталий, занимаясь решением повседневных задач. Более того крайняя политизация общественной жизни вызывала разочарование в политике и уход многих представителей элиты в сферу частной жизни или мир грез, культивируемый эпохой модерна [13, р. 42].

Однако при численном доминировании славянского населения в Австрии нельзя говорить о существовании единой славянской оппозиции. Между некоторыми славянскими народами были на

лицо острые противоречия. Хрестоматийным в этом плане являлся пример Галиции. Польское большинство, стоявшее на более высоком уровне политического, культурного и экономического развития, взяло власть в регионе в свои руки. Это вызывало раздражение со стороны украинцев, требовавших равноправия. Кроме этого, в Галиции межнациональные и политические противоречия переплетались с социальным конфликтом между польскими аристократами и украинскими крестьянами.

Одновременно разгорался конфликт между поляками и чехами. Вена, нуждаясь в поддержке польских политиков, шла на значительные уступки польскому населению Австрии, в том числе и при конструировании политической системы в Галиции [1, с. 71]. Эта ситуация раздражала чешских радикалов, поэтому по глобальным вопросам развития страны позиции польских депутатов и чешских националистов в рейхсрате редко совпадали.

Славяне были расколоты и по партийному принципу. Практически везде наряду с консервативными и либеральными организациями развивалось социал-демократическое движение. Отсутствие устойчивой социальной базы и идеологическая лабильность приводили к постоянным конфликтам внутри партий и очередным расколам. Непримируемая межпартийная борьба делала невозможным создание общеславянского блока в рейхсрате.

К тому же политические идеалы славян Австрии были различными: федерализация, воссоздание Чешского королевства (чешский вариант триализма), создание Югославянского центра монархии (хорватский вариант триализма), сохранение польского характера Галиции и возможное объединение польских земель под эгидой Габсбургов, раздел Галиции с созданием украинского «Пьемонта» в лице Восточной Галиции, получение культурно-национальной автономии словенцами в Крайне и Штирии.

Успехи славянского населения Австрии во многом были связаны с теми изменениями, которые происходили в обществе под влиянием процесса модернизации. Развивающийся средний класс становился носителем национальной идентичности и сторонником демократизации общества [12, р. 203]. Развитая система образования культивировала национальные символы и вносила свои коррективы в историческую память. В 1910 г. к неграмотным относилось 2,4 % чехов, 5,1 % австро-немцев, 13,6 % словенцев, 27,3 % поляков и около 60,0 % украинцев [12, с. 203]. Количество грамотных славян напрямую влияло на политическую активность народов Австрии.

В то же время для славянского населения Австрии была характерна множественная идентичность. На рубеже XIX–XX вв. наряду с национальной идентичностью соседствовала имперская (династическая) идентичность. Славяне ощущали себя составной частью империи Габсбургов, ассоциируя себя с данным государством. Император Франц-Иосиф I пользовался большой популярностью среди поданных, его классическая доктрина наднациональной и надсословной монархии находила поддержку среди славян. Кроме этого, они являлись носителями религиозной и сословной идентичности. К числу дискуссионных относится вопрос о региональной идентичности славян. Еще в годы революции 1848 г. местные ландтаги и другие политические структуры использовали региональные идентификационные коды: «моравяне», «богемцы», «буковинцы» вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности жителей данных коронных земель [4, с. 75]. Выступая в 1868 г., один из лидеров чешского национального движения Ф. Палацкий говорил о двуязычной богемской нации. Первая попытка отделения чешского населения от немецкого официально прозвучало только в 1869 г. на заседании городского совета Праги. В начале XX в. «буковинизм» как региональная идентичность прочно уживался с другими типами идентичности в поликультурном обществе Буковины [4, с. 75]. В то же время в течение второй половины XIX – начала XX вв. региональная идентичность начинает размываться перед лицом национализма.

Возникает вопрос, а была ли австрийская идентичность в эпоху дуализма? Само определение «Австрия» практически не использовалось в официальном политическом лексиконе, в отличие от термина «Венгрия», оно было заменено формулировкой «земли Его Императорского Величества», поэтому этноним «австрийцы» отсутствовал. Жители Австрии предпочитали ассоциировать себя с определенной национальностью, если это не затрагивало их общеимперскую идентичность. Следовательно, использование термина «австрийцы», «австрияки» зачастую не несло никакой смысловой нагрузки для жителей Австрии. Только на рубеже XIX–XX вв. начинает применяться сочетание австро-немеццы, и то в очень ограниченном пространстве.

Под воздействием национальных стремлений народов, живущих в поликультурных регионах Австрии, происходило разрушение устоявшихся политических структур. «Национальные компромиссы» в Моравии 1905–1906 гг. и в Буковине в 1909–1910 гг., которые в какой-то мере можно рассматривать как модель для будущего развития дуалистической Австрии, включали разделение из-

бирательных округов по этническому признаку, а в начальном образовании Моравии – по этническому и лингвистическому принципу [14, р. 58]. Этнизация регионов свидетельствовала о постепенном крушении традиционной австрийской государственной идеи. Организация дуалистической Австрии на основе коронных земель в этих условиях изживала себя. В таком случае коронные земли необходимо было делить по национальному признаку, что во многих районах невозможно было сделать ввиду смешанного состава населения. Кроме этого, этнизация существенным образом меняла приоритеты в правах личности. Вместо принципа наднациональности на первое место выходило этническое происхождение индивида, что во многом задавало вектор его социального развития. Сейчас очень трудно однозначно оценивать этнизацию империи Габсбургов. Возможно, она ознаменовала начало межнационального компромисса в политической жизни Австрии в новых исторических условиях. Однако национальное примирение посредством разделения и изоляции служило плохой основой для интеграции и межкультурного диалога в будущем.

В заключение следует подчеркнуть, что до Первой мировой войны в Австрии практически полностью отсутствовало сепаратистское движение, за исключением действий некоторых итальянских подпольных организаций. Все варианты преобразования дуалистической системы не предполагали ликвидацию Дунайской империи. Это с полным основанием относилось и к славянам. Они осознавали необходимость сохранения империи, так как Средняя Европа оказалась «зажатой» между двумя супердержавами (Германией и Россией). В случае распада империи Габсбургов народы региона оказались бы беззащитными перед лицом германского и российского империализма. Ни Германия, ни Россия не выступали для них в виде оптимальной модели для организации своего исторического будущего. Русофильские рассуждения многих австрийских политиков славянского происхождения являлись не более чем средством оказания давления на Вену с целью получения необходимых уступок.

Ресурс прочности империи Габсбургов был высок. Австрийская и, в меньшей степени, венгерская половины империи демонстрировали способность к реформированию в сторону своей дальнейшей демократизации. Компромисс со славянским населением становился для них первостепенной проблемой. Австрийский парламентаризм стал первой попыткой решения национального вопроса в конституционном пространстве. Первая мировая война застала Австрию и Венгрию на перепутье, когда они постепенно осознавали необходимость обновления дуалистической системы и придания ей нового импульса.

Литература

1. Василевский Л. Обновленный парламент // Русское богатство. 1907. № 11.
2. Венгерский закон II. 1867 г. // Современные конституции. СПб., 1905.
3. Воцелка К. История Австрии. М., 2007.
4. Добржанский А. В. «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX вв. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
5. Звездич П. Парламентский кризис в Австрии // Жизнь. 1901. № 2.
6. История Словении / отв. ред. И. В. Чуркина. СПб., 2011.
7. Крючков И. В. Эдуард Тааффе в политической истории дуалистической Австрии // Вопросы истории. 2011. № 9.
8. Струве П. Б. Социально-экономическая подкладка немецкого вопроса в Австрии // П. Б. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.) СПб., 1902.
9. Фалькович С. М. Польское национальное движение и монархия Габсбургов: проблемы австрофильства, автрославизма, федерализма, дуализма // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011.
10. Фрейдзон В. И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
11. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
12. Barany G. Political Culture in the Lands of the Former Habsburg Empire: Authoritarian and Parliamentary Traditions // Austrian History Yearbook. Vol. XXXIX. 1998.
13. Munz F. Zwischen Antimetaphysik und Utopie. Ein Fall der Wiener Moderne/Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich. Wien, 2011.
14. Strouzh G. The Multinational Empire Revisited: Reflections on Late Imperial Austria // Austrian History Yearbook 1992. Vol. XXIII.